

АРХАНГЕЛЬСК, ПГУ, 12-16 СЕНТЯБРЯ

XIV

★ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ ★

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Министерство образования Российской Федерации
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

**XIV КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Тезисы докладов

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации Архангельской области,
Российского гуманитарного научного фонда
и Секретариата Баренцева Евро-Арктического региона*

Москва – Архангельск

2001

ную очередь, является хронологическая разница (комплексы из Бирки относятся к концу IX – первой четв. X в., комплексы с территории Древней Руси – в основном, во второй половине X в.), обусловившая некоторое различие в направлении культурных и торговых связей, а также изменение представлений об “экзотических” предметах с течением времени.

*В.С. Нефедов
Москва*

НОВОСЕЛКИ И ГНЕЗДОВО

Новоселковский археологический комплекс расположен на северо-западной окраине Смоленска (пос. Подлескино), на правом берегу р. Брөгинская (прежние названия – руч. Полежанка), впадающей в р. Дубровенка (правый приток Днепра). Он состоит из городища, селища и курганного могильника, материалы которого неоднократно обсуждались в литературе.

С 1924 по 1999 гг. в могильнике раскопано 19 курганов из 36, зафиксированных А.Н. Ливадиским в 1923 г., остальные уничтожены. Из 13 захоронений, для которых пол погребенного может быть определен по инвентарю, 7 мужских, 5 женских и 1 парное, что указывает на стабильное демографическое положение данного коллектива. Не менее 10 комплексов (+1?) являются скандинавскими, причем не исключено, что к ним относятся все определенные мужские погребения. 6 мужчин были похоронены с оружием (мечи, копье, стрелы). Видимо, ведущую роль в этом коллективе играли воины-скандинавы не очень высокого ранга. Среди женских захоронений и керамики выделяются скандинавская, “новорусская”, латгальская и местная “длиннокурганная” традиции, причем последние не являются доминирующей, а в украинских представлениях в основном подвиды дераватки. Хронология курганов определяется кольцевидными фибулами типов IV и V по Л. Тонаре-Нолле, охватывали фибулами позднего варианта типа 51 по Я. Петерсену, гробницами группы II по О.И. Давидан, типом типа 27 по Ю. Валлер, 14-гранными гурьками, а также почти полным отсутствием круговой керамики. Могильник можно датировать I-II половиной – серединой X в., скорее всего не ранее 2-й четверти этого столетия. Меч типа В из кургана 5 не применим для датировки, поскольку найден совместно с гробницей группы II, остальные предметы не противоречат указанным датам.

Селище площадью ок. 2,5 тыс. кв. м расположено в 200 м от курганов, у подножия городища. В 1999–2000 гг. на селище раскопано 180 кв. м. Культурный слой мощностью до 0,6 м частично перепахан и содержит материалы с VI в. по I-ю половину или середину X в. К концу I тыс. относятся остатки углубленных в мате-

рык хозяйственных построек и различные предметы быта типа 27 по Ю. Валлер, наконечники стрел типов 34 и 62 по А.Ф. Медведю, конские железные шпильки, лодейные заклепки, обрезок дилема (Аббасиды, кон. VIII в.), обломок железных гривен, свинцово-оловянистый перстень со стеклянной вставкой, дужка бронзовой серьги, железный язычок от подковообразной фибулы, сердоцковая гранчатая и хрустальная бипирамидальная бусыны, желтый и зеленый бисер, ключ от внутреннего замка, фитильная трубка, обломок тиглей и т. д. Керамика позднего периода существования памятника лессная, в целом характерная как для КСДК, так и для некоторых регионов в ареале ромеианской культуры. Отдельные керамические формы (например, “золотонидный” сосуд) и виды орнамента типичны именно для ромеианских древностей, но редко или не известны в КСДК. Несомненно, что на поселении совместно с автохтонным населением проживали скандинавы и выходцы с Днепровского Левобережья. При этом отнесение селища к КСДК остается проблематичным, поскольку на нем пока не найдено женских украшений этой культуры, интерпретация керамического комплекса не вполне однозначна, а достоверных данных о датировке курганов в окрестностях памятника нет. Очевидно, что его некролем был находившийся рядом курганный могильник и что оба памятника прекратили функционировать одновременно, около середины X в. Возможно, их верховню дату маркирует клад с младшей монетой 960/961 г., найденный в 1849 г. у д. Дубровенка (точное место находки не известно).

Городище относится к раннему железному веку, однако оно, видимо, использовалось и в конце I тыс., хотя постоянного поселения на нем в это время не было. При зачистке края его площадки, произведенной в 1999 г., обнаружены остатки укреплений, сооружений раннего позднего вала дисперс-длинной культуры, а также единичные обломки керамики, близкой КСДК.

По нашему мнению, Новоселки, расположенные в 5 км от Гнездова, были тесно связаны с ним во 2-й четверти – середине X в. Синхронные курганам материалы новоселковского селища, а также комплексы самих курганов очень близки материалам раннего Гнездова и хронологически совпадают с последними. Поэтому было бы ошибочно рассматривать их в качестве древностей, предшествующих Гнездову или отражающих какое-то особое этнокультурное явление. Не следует и преувеличивать их связь с КСДК, которая, хотя и продолжается, но не в большей степени, чем в раннем Гнездове. Что касается квадратной формы курганов, то она известна как в поздних могильниках КСДК (Сельмо, Акулы и др.), так и в Гнездове (к. 38 и 47, 2-я четв. – сер. X в.), и истоки этой традиции в Смоленском Поднепровье пока не до конца ясны.

По-видимому, Новоселки X в. были поселением-сателлитом Гнездова и представляли собой своего рода военный лагерь, базу небольшой скандинавской "дружины", защищавшей раннегородской центр с северо-востока. Оттуда к Гнездову подходил один из путей, связывавших Западную Двину и Днепр (р. Каспля – р. Жерстель – р. Лущенка – бассейн р. Дубровенка – Гнездово), существование которого подтверждается и другими данными. Этот путь был очень трудным и, вероятно, фактически сухопутным. Тем не менее он, видимо, представлял для Гнездова определенную опасность, требовавшую организации специального форпоста. Не исключено, что в момент появления в Новоселках скандинавского отряда там уже существовало поселение КСДК. Прекращение жизни в Новоселках может синхронизироваться с катастрофическими событиями в Гнездове, произошедшими вскоре после середины X в. (пожар на городище, серия кладов 949-961 гг., возведение "больших курганов").

*Т.А. Пухляк
к.и.н., Москва*

СКАНДИНАВСКИЕ РАВНОПЛЕЧНЫЕ ФИБУЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

В течение длительного времени в отечественной историографии существует тезис об обязательном "западном" скандинавских вещей в Восточной Европе. Он нашел отражение в работах о древнерусском вооружении (в частности, при рассмотрении дат находок мечей), сводке скандинавских фибул и отдельных статьях, посвященных вопросам хронологии некоторых памятников и др. В то же самое время относительно хорошо разработанная хронологическая шкала скандинавских древностей периода викингов оказывается практически единственным основанием для датировки многих памятников северо-западной части Руси, более точной, нежели вообще IX-X вв. Вслед за скандинавскими находками в качестве решающего аргумента обычно привлекается лишь анализ состава находок стеклянных бус.

В этих условиях женские скандинавские украшения, найденные на территории Древней Руси в погребениях или на поселениях, активно используются многими авторами для определения или уточнения даты того или иного исследуемого памятника. Обычно для этого привлекаются типологические схемы и даты, разработанные и предложенные в разное время Я. Петерсеном, П. Паульсеном, И. Янссоном и другими авторами, применительно к собственно скандинавским памятникам.

Одним из наиболее чутких хронологических индикаторов, по мнению большинства исследователей, являются овальные и равноплечные фибулы; изменение их конструкции и деталей орнаментации. Среди фибул на территории Скандинавии количественно преобладают находки овальных, что связано с особенностями женского костюма, в котором равноплечая или круглая фибулы играли вспомогательную роль. Овальные фибулы различных типов, происходящие из древнерусских памятников, также составляют большинство находок (около 200 экз.).

В данном случае наше внимание привлекают равноплечные фибулы. Эта группа состоит примерно из 40 экземпляров, найденных случайно или во время раскопок погребений и поселений. Большинство находок происходит из раскопок Рюрикова Городища и Гнездова, а почти четверть – это случайные находки. Для определения фибул использована известная работа Я. Петерсена, основанная, в первую очередь, на норвежских материалах, и статья Г.-Б. Лагора, посвященная находкам могильника Бирки в Швеции.

Среди древнерусских находок две принадлежат редкому и одному из наиболее ранних для Скандинавии типу – типу Вальста. Большинство же находок соответствует фибулам I, III и IV групп типологии Лагора, включающей не только выделенные Петерсеном типы 58, 60, 68, 70, 73 и др., но и некоторые неузятые им варианты. Почти полностью из этих фибул составляют те, которые согласно общепринятой скандинавской хронологической шкале должны датироваться временем до X в.

Большинство ранних фибул относится к типу 58 ЯП, который считается определяющим для IX в. Однако из 15 учтенных экземпляров лишь 6 входили в состав достоверных закрытых комплексов. По сочетанию остальных находок дата этих комплексов колеблется от конца IX до второй половины X вв. Несколько раз находки фибул этого раннего типа совместно с овальными фибулами X в. (типы 51 и 48 ЯП) отмечены в памятниках на территории Швеции. Следовательно, и на территории самой Скандинавии в ряде случаев ранние типы вещей могли существовать достаточно длительное время.

Вероятно, применительно к находкам скандинавских украшений на древнерусской территории, правильнее было бы говорить не о "западном" их появлении, а всего лишь о более длительном периоде бытования. В этом случае особое значение приобретает контекст, в которой найдено украшение раннего типа, и достоверность комплекса.